

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1996 г. Е.Э. БАБАЕВА

СЛАВЯНО - ФРАНЦУЗСКИЙ ЛЕКСИКОН А. КАНТЕМИРА

(Филологическая характеристика: концепция, структура)

*К тому же человечья жизнь редко однолична.*

*А. Кантемир*

Антиох Кантемир, происходивший из рода Кан-Тимура, сын молдавского господаря, родившийся в Константинополе, выросший в России, в 13 лет выступивший с Петром I в Персидский поход, а в 23 года навсегда оставивший пределы отчизны, унаследовал от отца, Дмитрия Кантемира, судьбу посредника между культурами, говорящими на разных языках. Дмитрий Кантемир, полководец и государственный деятель, был полиглотом и лингвистом<sup>1</sup>. А. Кантемир, занимавший одно из первых мест в политической и научной жизни России и Западной Европы, вошел в историю как дипломат и сатирик, однако его собственно лингвистическое наследие, составляющее предмет многолетних кропотливых трудов, изучено в гораздо меньшей степени<sup>2</sup>.

Настоящая статья представляет собой попытку дать самую общую характеристику рукописному славяно-французскому лексикону А. Кантемира — одному из интереснейших источников по истории русской лексики и лексикографии XVIII в. и, одновременно, важному свидетельству того, что являл собой А. Кантемир как языковая личность.

В наследство, оставленное А. Кантемиром<sup>3</sup>, входила обширная библиотека, в описи которой среди многочисленной лингвистической литературы под номером 617 числится трехтомный русско-французский лексикон: "Dictionnaire Russe et François par monseigneur le Prince Cantemir, manuscrit, folio, 3 volumes"<sup>4</sup>. О том, что А. Кантемир рабо-

<sup>1</sup> Дм. Кантемира занимали вопросы теории и истории молдавского языка (так, например, он приложил к своему аллегорическому роману 1705-го года "Иероглифическая история" небольшой словарь "Скара").

<sup>2</sup> В творчестве А. Кантемира следует различать уровень его языковой практики (переводческая и сочинительская деятельность), немало способствовавший становлению литературного языка послепетровской эпохи, и уровень лингвистической рефлексии, к которому можно отнести рассыпанные по отдельным произведениям замечания, касающиеся орфографии, грамматики и, особенно, лексики церковнославянского и русского языков. Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что литературная деятельность А. Кантемира началась с лексикографического труда: "Симфонии на Псалтирь" (составленная в 1726 г., она была напечатана годом позже). Стремление "изъяснять" слова было, возможно, воспитано в нем его учителем, Иваном Ильинским, автором "Симфонии на Четвероевангелие" и одним из составителей немецко-латинско-русского "Вейсманова Лексикона" (Петербург, 1731).

<sup>3</sup> А. Кантемир умер в 1744 г. в возрасте 35 лет.

<sup>4</sup> Подлинник описи хранится в РГАДА, ф. 181, франц. дела, св. 68.



Неизвестный нам "славенофранцузский" лексикон создавался (или переписывался) в 1725—1726 гг. В 1726 г. А. Кантемиром выполнен первый перевод с французского языка ("Перевод некоего итальянского письма"). Конец 20-х годов был своего рода французским периодом в творческой биографии А. Кантемира<sup>9</sup>. Известны его особый интерес в это время к французской литературе, его связи с кругом янсенистов, в частности, с аббатом Жюбе де ля Куром, агентом Сорбонны, прибывшим в Россию со специальной миссией в 1728 г., который в письме к архиепископу Бархману от 16 апреля 1730 г. отмечает, что "князь переводит с французского на русский превосходно и с большой легкостью" [цит. по: Успенский, Шишкин 1990: 205, подробнее см.: там же § 4]. В период, непосредственно предшествующий первому переводу с французского языка (и завершению работы над неизвестным нам "славенофранцузским" лексиконом), т.е. в 1724—1725 годах, А. Кантемир находился в Петербурге, где совершенствовал свои знания у петербургских академиков. Есть некоторые свидетельства, что в это время А. Кантемир усиленно занимается французским языком. В письме из Лондона к маркизе Монконсель от 1 августа 1737 г. А. Кантемир пишет, что начал изучать французский язык "*parmi les glaces du nord*" ("окруженный северными льдами" [Майков 1903: 87]), — можно предположить, что употребленная им метафора относится именно к Петербургу<sup>10</sup>.

Весьма вероятно, что сохранившийся в ГПБ титульный лист относился к лексикографическому труду, неким образом связанному с занятиями А. Кантемира французским языком в период до 1726 г., но вряд ли есть основания считать, что этот лексикон непосредственно связан с обширным трехтомным словарем, хранящимся в РГБ, в собрании Дурова, иначе говоря, соотносить эти две рукописи как начальный и конечный этапы одной большой работы<sup>11</sup>.

По отношению к трехтомному словарю из собрания РГБ мы располагаем лишь одной датой, которая может пролить свет на хронологию его появления. На л. 3 первого тома есть запись — "*achevé le 27 avril 1737*" ("закончен 27 апреля 1737"). Однако словарь никак нельзя считать законченным: при полностью составленном словнике он последовательно доведен до буквы *П*, после которой можно найти лишь выборочные толкования отдельных слов и выражений, число метаязыковых помет стремительно падает по мере приближения к концу словника<sup>12</sup>. Таким образом, указанная на титульном листе к первому тому (и ко всему словарю в целом) дата может относиться к завершению работы над словником, либо над первыми сорока семью тетрадами, составляющими первый том словаря. В письме к Христиану Гроссу из Лондона от 21 июня 1737 г. А. Кантемир просит прислать ему ряд книг, необходимых для того, чтобы "улучшить русско-французский словарь", над которым он "начал работать не так давно" ("*Je vous y joins aussi une liste de livres russiens, dont j'ai besoin pour perfectionner le dictionnaire russe et françois que j'ai commencé il y a quelque temps...*") — [Майков 1903: 86]. Настойчивая просьба о присылке необходимых для работы (видимо, над словарем) книг, в частности из библиотеки

<sup>9</sup> Предполагалось, что в это же время начнется и французский период его биографии, во всяком случае, в 1729 г. планировалась его поездка во Францию, однако его миссия во Франции состоялась почти десятью годами позже, в 1738 г.

<sup>10</sup> В дневнике Петра Даниловича Апостола под седьмым декабря 1725 г. записано: "Послал молдавскому князю [т.е. А. Кантемиру] словарь де Поме" (*François Pomey. Dictionnaire françois et latin. Lyon, 1664* — [Берков 1961: 197]).

<sup>11</sup> Естественно, этот вывод носит умозрительный характер, поскольку мы располагаем лишь теми сведениями о "славенофранцузском" лексиконе, которые можно извлечь из титульного листа, свидетельствующие лишь об установке автора, и ничего не знаем о реальном содержании рукописи.

<sup>12</sup> Первый том (далее — I) содержит буквы *А-И* (572 лл.), второй (далее — II) — буквы *Ј-О* (379 лл.), третий (далее — III) — буквы *П-ѳ* (437 лл.).

Ивана Ильинского (умершего в марте 1737 г.), повторяется и в письме к тому же Христиану Гроссу от 2 сентября 1737 г. [Майков 1903: 90]. Возможно, активная работа над словарем в середине 1737 г. ведется неслучайно: именно в это время А. Кантемиру поручено вступить в переговоры с французским послом в Лондоне с целью восстановить прерванные польской войной дипломатические отношения между Россией и Францией. Вскоре после успешного выполнения возложенной на него миссии А. Кантемир был назначен посланником в Париж, куда он прибыл в сентябре 1738 г. Имея в виду происходивший перелом в отношениях между Россией и Францией, А. Кантемир мог начать работу над словарем (или же вести ее более интенсивно, если она была начата ранее), исходя из культуртрегерских соображений — знакомства французской аудитории с русской культурно-языковой средой, со всеми условиями дискурса<sup>13</sup>.

Рукопись написана рукой одного из секретарей А. Кантемира и, частично, им самим [Градова 1987: 17]. Вероятно, А. Кантемир надиктовал секретарю текст, а затем собственноручно правил его и вносил добавления. О том, что текст мог диктоваться, говорят и некоторые ошибки в правописании, в частности, характерно написание во французской части лексикона форм причастия (*participe passé*) вместо формы инфинитива для глаголов первой группы и наоборот, что может объясняться одинаковым произношением их показателей (*parlé* и *parler*), и некоторыми другими примерами отклонения от орфографии французского языка в пользу его фонетики.

Лексикон в целом (как словник, так и метаязыковой текст), строится на принципе систематизации реализующихся (с разной степенью частотности) и потенциальных возможностей языка, а также фрагментов картины мира, раскрывающихся через язык.

На уровне слона и эта систематизация проявляется в отборе единиц языка, подлежащих толкованию, в порождении симметричных словообразовательных гнезд и в регулярно представленном вычленении внутренней формы слова, ее разложении на составляющие элементы и закреплении за каждым из них по возможности устойчивого перевода на метаязык.

I. Словник лексикона формировался по нескольким осям, он представляет собой систему, объединяющую множество подсистем, причем для закрытых подсистем (например, части речи) характерна максимальная представленность составляющих ее единиц, а для открытых (например, стилистически ненейтральная лексика) — тенденция к широкому последовательному ее охвату.

I.1. В состав словника входят единицы, рассмотренные в вертикальной (парадигматической) и горизонтальной (синтагматической) плоскостях. Минимальной единицей, получающей толкование в лексиконе, является б у к в а (звук). Славянский алфавит, являющийся замкнутой системой, представлен в словнике полностью. Максимальное толкование единицы алфавита (представленное не для всех букв) складывается из нескольких позиций: название (а), порядковый номер в алфавите (б), фонетическое содержание (в), правила употребления (г), числовое значение (д).

А — (а) qu'on nomme азъ

(б) première letre del Alphabet Russe

(в) se prononce toujours comme en François dans le mot ananas... Il est a remarquer que les Gentishommes et leurs imitateurs changent souvent L'o en a tant au comencement qu'au milieu de mots, dela viennent les deux sortes de Prononciations qui distingent les Gens de

<sup>13</sup> Работа над словарем в последующие годы, видимо, была затруднена объективными причинами: обилием дипломатических забот и, начиная с 1740 года, катастрофически ухудшавшимся здоровьем и слепотой. Пропаганда русской культуры и русского языка не переставала быть для Кантемира предметом огромной важности. Известно, например, что во время аудиенции у французского короля 13 июля 1739 г. он беседовал с Людовиком XV "о письменах, о языке русском и о подобных любопытных материях" [Стоюнин 1880: 593].

mise avec le Peuple, ceux la par Exemple disent: Агурець, Акошко, пападя, башмакъ et ceux ci огурець, окошко, попадя, бошмакъ...

(д) elle est aussi un letre numerale... avef un tire et avec une queu signicie 1000 [I, л. 4]<sup>14</sup>.

1 — (б) c'est la onzieme letre del'Alphabet Russes

(г) dans presque tous les Substantifs verbeaux elle est changé en ъ. ex. гуляние — гулянье... Les russes ne se serent jamais de cette letre qu'avant une voyelle. Il n'ya pas un mot russe qui comence par cette letre si ce n'est pour prendre la place de e comme... jѡбъ au lieu de ебъ...

(д) Г̑ vaut 10 [II, л. 2]<sup>15</sup>.

Отдельные толкования могут получать последовательно вычлененные ч а с т и с л о в, например: "вичь Particule qu'on ajoute au nom du pere pour les gens de quelque distinction. ex. Петр Алеѣевичъ. Pierre fils d'Alex" [I, л. 154]<sup>16</sup>.

Центральным объектом описания являются л е к с е м ы, представляющие собой все грамматические классы слов (как знаменательные, так и служебные), однако самостоятельные позиции в словнике занимают и с л о в о ф о р м ы, такие, например, как падежные формы местоимений, формы им. пад. мн. числа существительных, степени сравнения прилагательных и наречий, временные формы глагола, причастные и деепричастные формы. Во всех подобных случаях толкование включает грамматическую характеристику и отсылку к исходной словоформе.

Многочленные языковые единицы толкуются А. Кантемиром внутри словарной статьи, т.е. они помещаются под заголовочным словом, формирующим данную единицу, однако принципы экспликации остаются тем же, что и при основной позиции словника.

Двигаясь от лексемы далее по синтагматической оси, А. Кантемир приводит отдельные с л о в о с о ч е т а н и я, которые могут быть как свободными, так и связанными, а также этикетные формулы. Например: "аглицкѣ часы" [I, л. 50б], "вилая капуста" [I, л. 151об], "бѣганная лошадь" [I, л. 122], "домашний быть" [I, л. 121], "курачѣ бодрость" [I, л. 99], "брюхатая жена" [I, л. 113], "чортов палець" [III, л. 414] и др. Употребление одной словоформы может быть проиллюстрировано целым списком словосочетаний, например: "денги" — "готовы денги", "наличны денги", "мертвы денги", "подложные денги", "фалжибные денги", "худыя денги", "ходячія денги", "банковые денги", "держанные денги" [I, л. 292—293об].

Наконец, в словаре толкуются целые в ы с к а з ы в а н и я, среди которых встречаются цитаты (снабженные ссылками; наряду с многочисленными цитатами из Библии встретилаь одна цитата из Уложения 1649 г.), пословицы (например, "Аза вѣ глаза не знаетъ" [I, л. 8], "бодливой корови Богъ рога не даетъ" [I, л. 99], "не вывѣдавѣ бродѣ не бросаия вѣ водѣ" [I, л. 112], "возвращатся на свою блевотинѣ" [I, л. 112], "чья душа чесноку не ѣла та не воняетъ" [III, л. 410 об], "напугана ворона и чучела боится" [II, л. 201об], "повинную голову мечь не сѣчетъ" [I, л. 263], "голѣ какѣ голикѣ"

<sup>14</sup> "А — (а) ее называют азъ, (б) первая буква русского алфавита, (в) произносится всегда как во французском слове *ананас*... Необходимо отметить, что дворяне, а также те, кто им подражает, часто меняют *о* на *а* как в начале, так и в середине слова, отсюда берутся два типа произношения, отличающие людей порядочных от простонародья, так, первые говорят, например, *Агурець, Акошко, пападя, башмакъ*, а другие *огурець, окошко, попадя, бошмакъ*, (д) она также может обозначать число... под титлом и с хвостиком обозначает 1000" — (здесь и далее перевод наш. — Е.Б.).

<sup>15</sup> "1 — (б) одиннадцатая буква русского алфавита, (г) почти во всех отглагольных существительных заменяется на ъ, например, *гуляние — гулянье*... Русские используют эту букву только перед гласной. Нет ни одного слова, которое начиналось бы с этой буквы, разве что она заменяет *е* как в следующих словах *жѡбъ* вместо *ебъ*..., (д) обозначает 10".

<sup>16</sup> "вичь Частица, которую добавляють к имени отца тех, кто отличается благородством. Например, Петръ Алеѣевичъ. Петр сын Алексея".

[I, л. 262об], "знать собачей клеѣтъ" [II, л. 33], "разорить дом до подошвъ" [III, л. 93об], "не пойманы" не вор, не подымана, не блядь" [III, л. 111об] и др.), и свободные предложения (например, "архїерей благословилъ мнѣ на трети женѣ женитця" [I, л. 81], "он бышѣ вчера съ здѣсь былъ" [I, л. 121], "из самого города до той деревни все безпѣтица" [I, л. 58], "безстыдной члѣвѣкъ без краски сноситъ попрыоки" [I, л. 60об] и др.).

1.2. Единицы, составляющие словник, проецируются на плоскость системных лексических связей и образуют различные лексико-семантические поля. Наряду с нарицательными именами широко представлены географические названия (*Америка, Анатоля, Александрїа, Асія, Ассїрія, Астраханъ, Афрїка, Балтика, Вавилонъ, Дунай, Днепр, Кавкас, Канарїа, Лївіа, Малта, Кабарда, Китай, Халдея* и некот. др.), имена языческих богов (например, *Зевсъ, Марсъ, болванъ перѣжнѣный*), названия книг (отдельные позиции в словнике занимают практически все чѣты и служебные книги, упомянут также "Алкоранъ... *Livre de Muhamed: Alcoran*" [I, л. 10]), античных героев ("Ираклїй... *Hercule*" [I, л. 548]), знаков зодиака.

Среди имен нарицательных большое место занимает терминология (юридическая, философская, риторическая, грамматическая, музыкальная, ботаническая, картежная и др.), образуя собственно подсистемы внутри словника наряду с нетерминологическими лексико-семантическими группами слов (простейшие из которых, например, названия месяцев и времен года, как замкнутые, даны полным списком).

Словник лексикона как бы очерчивает границы культуры, которая складывается из современных А. Кантемиру западно-европейских представлений об энциклопедичности знаний. При наложении двух абрисов, культурных и бытовых реалий выявляются области полных и частичных не совпадений.

К области полных не совпадений относятся номинации предметов и явлений, незнакомых адресату словаря. Эту асимметричность А. Кантемир не старается преодолеть, он лишь подробно разъясняет фрагмент внеязыковой реальности, не полагаясь на перевод<sup>17</sup>, который представлен для данного разряда слов непоследовательно и носит приблизительный характер. А. Кантемир изменяет при этом код метаязыка: механизм перевода на метаязык переключается на механизм построения нарративного текста на метаязыке (иначе говоря, двужычный словарь трансформируется в толковый). Приведем некоторые примеры: "воевода... *l'empire russe en gouvernemens et (sic!) subdivisés (sic!) en provinces. Les gouvernemens ont pour chef leur*

<sup>17</sup> К подобной практике он прибегал, например, в комментариях к "Разговору о множестве миров" Фонтенеля. Так, в одном из примечаний он объясняет: "Маркїзѣ. Маркїзанство есть тѣло дворянства знатнаго, у насъ еще не въ обыкновенїи. Во Франції и Італїи Маркїзы слѣдуютъ за Графами. Въ Англіи и въ Германїи чинъ ихъ между Дюкомъ и Графомъ" [Бовье 1740: предисловие переводчика]. Подобного рода толкования реалий как нельзя лучше выявляют адресата сообщения; в лексиконе же в качестве такового выступает западный (франкоязычный) читатель. Со сменой аудитории связан и разный способ представления одного и того же слова в лексиконе и в "Разговоре о множестве миров", так, если в последнем подробно изъясняются все значения слова *материя*, которые оно имеет во французском языке, и потом уточняется, в каком именно из них слово употреблено в данном контексте, то в словаре приводится лишь соответствующий перевод без дополнительных комментариев — при этом имеется в виду, что оно функционирует ровно так же, как в языке описания. Любопытно, что понятия, неизвестные русской картине мира, не встречаются в лексиконе (хотя в нем довольно широко представлены собственно языковые заимствования), за исключением конфессиональной области, о чем будет сказано ниже подробнее. Примером нарушения принципа устранения слов, обозначающих "чужеземную" реалию может служить одно из значений слова *дельфинъ* — "*Premier fils du Roi de France*" ["Первый сын короля Франції", I, л. 292]. А. Кантемир приводит слово *дофин* в той огласовке, в которой оно было впервые употреблено в русском языке в конце XVII в. [Сл. русск. яз. 1991: 244] и в силу этого соединяет его в одну лемему со словом *дельфин*. Названия животного и растительного мира широко представлены в лексиконе, они составляют его подсистему; появление же слова в основной позиции требует, в силу тенденции к полноте и логической завершенности, фиксации всех его значений, т.е. в данном случае принцип всеохватности побеждает принцип умолчания.

Gouverneur et les superieurs d'une province, qui sont Subalternes au Gouverneur, s'appellent воевода"<sup>18</sup> [I, л. 166], "балахонъ... habit de toile, la plupart blanche dont les gens du petit peuple et particulièrement les garçons de boutiques s'abillent"<sup>19</sup> [I, л. 28], "выводъ... Certaine paient que font les paisans pour leurs femmes, lorsqu'ils les tirent d'un village, qui n'appartient pas à leur Maître"<sup>20</sup> [I, л. 209], "ботвинье... Certaine soupe faite de feuilles de bêtaves avec de l'eau, aigree avec du pain et qu'on mange à la glace"<sup>21</sup> [I, л. 105], "битка... C'est un grand банка, dont on se sert dans les jeux pour abbatre ces petis os qui sont rangé ensemble"<sup>22</sup> [I, л. 72], "балалайка... instrument de musique à deux cordes comun parmi le petit peuple en Russie"<sup>23</sup> [I, л. 28]. "дыба... Potence dont on se sert pour donner la question au criminel"<sup>24</sup> [I, л. 358], "гривенникъ... Dix sous en espece. Monoie de Russie, dont il y a dix dans un Roubel"<sup>25</sup> [I, л. 272об].

С точки зрения противопоставленности культур России и Франции центральным пунктом расхождения являлась конфессиональная область, содержащая наряду с общими реалиями и понятиями зону несовпадений между православием и католичеством, закрепленную в языке. При рассмотрении той трактовки, которую эта оппозиция получает в лексиконе А. Кантемира, нельзя не учитывать его близость к кругам янсенистов и знакомство с проектом воссоединения двух церквей<sup>26</sup>. За пределами знака равенства, установленного между соотносимыми основополагающими представлениями ("Исусъ... Jesus" — [II, л. 3]), можно выделить наименования собственно католических и собственно православных понятий и реалий. По отношению к этой лексико-семантической группе принцип, проводившийся А. Кантемиром при представлении выявленных интерференцией зон полного не совпадения (а именно, экспликация "чужих" для адресата денотатов при опущении "чужих" для носителей языка-объекта описания денотатов) перестает действовать. Возникшая в данном случае асимметрия преодолевается последовательным введением номинаций, относящихся к миру католицизма, и уравниванием их с номинациями, функционирующими в мире православия, единым подходом к их метаязыковому представлению.

При соотносении таких номинаций А. Кантемир прибегает к нескольким способам преодоления асимметрии на языковом уровне.

1. Понятие или явление, свойственное католицизму, получает французский эквивалент, т.е. создается видимость перевода на метаязык, тогда как реально происходит пересчет с метаязыка на язык — объект описания, например, "папа Pape", "папешство Papaute", "папистъ Papiste" [III, л. 7], "папствую faire les fonctions d'un pape" [III, л. 8], "безпогрѣшность папской Infallibilité du Pape" [I, л. 56], "кардинал... Cardinal" [II, л. 13об], "меса... La Messe" [II, л. 133], "капела... Chapelle" [II, л. 12]. На л. 545об [I] рукой А. Кантемира вписаны следующие слова: "инквизиѣа, инквизиторски, инквизиторскѣи, инквизиторша, инквизитор", видимо перевод к ним предполагалось внести позже.

2. Понятие или явление, свойственное православию, переводится на французский язык, при этом утрачивается его специфическое значение или устанавливается не-

<sup>18</sup> "Русская империя поделена на губернии. Каждая губерния управляется губернатором; те кто управляет губернией и подчиняются губернатору, называются воевода".

<sup>19</sup> "Одежда из полотна, обычно белая, которую носят все люди из простонародья и в особенности посылные в лавках".

<sup>20</sup> "Плата, которую вносят крестьяне за своих жен, если берут их из деревни, не принадлежащей их господину".

<sup>21</sup> "Суп, который готовится на воде из листьев свеклы и заквашивается хлебом, едят его ледяным".

<sup>22</sup> "Большая банка, которой при игре сбиваются костяшки, составленные вместе".

<sup>23</sup> "Двуструнный музыкальный инструмент, обыкновенный среди простонародья".

<sup>24</sup> "Крюк, которым пользуются, допрашивая преступников".

<sup>25</sup> "Десять су одной монетой. Мелкие деньги у русских, в одном рубле содержится десять таких монет".

<sup>26</sup> О связях А. Кантемира с Европой и, в частности, с янсенистами, а также о его религиозных воззрениях см., например [Graßhoff 1966; 1963; Успенский, Шишкин 1990].

правильное соответствие, например: "клирость... v. клирь" — "клиръ... Clergé" [т.е. слову *клирос* приписывается значение "духовенство" — II, л. 30], "дѣакъ... Commis. Clerc. Tonsuré" [т.е. слову "дьяк" приписывается значение "постриженный" — I, л. 299]. Следует отметить, что эта группа слов значительно уступает по количеству предыдущей группе.

3. Между понятиями и явлениями, функционирующими в разных конфессиональных сферах, ставится знак равенства, что также снимает расхождения (на языковом уровне), например: "капелмейстер... v. уставщик" [I, л. 12], "агнецъ... l'Ostie" [I, л. 506], "обѣдня... Messe. Liturgie" [II, л. 284], "жертвенникъ... Autel. Sanctuaire" [I, л. 385], "игумень... Abé" [I, л. 508], "мѣрской попь Pretre seculier" [II, л. 140], "ѵеромонахъ... Pretre regulier" [II, л. 3], "кирка... Eglise" [II, л. 23]<sup>27</sup>.

Ряд слов, относящихся к церковному обиходу, получает в лексиконе предельно размытое, неконкретное толкование, например: "Акаѳистъ... Certaine priere Ecclesiastique. Acatiste"<sup>28</sup> [I, л. 8], "охтоихъ v. осмогласник. осмогласник... Livre Ecclesiastique ainsi nommé"<sup>29</sup> [II, л. 369], вероятно, как необходимые для адресата словаря лишь для общей ориентации.

Наряду, по всей видимости, с сознательной "подгонкой" двух конфессиональных миров, выступающих в лексиконе как единое целое, А. Кантемир допускает неточности двоякого рода: во-первых, подмену существующего термина близким ему словом, но иной словообразовательной структуры (например, "обмываніе... Ceremonié Ecclesiastique à laver le pié" — вместо "омовение" [II, л. 268], "купальня... baptister" — вм. "купель" [II, л. 84, "канонъ... Certaine Recueil des hymnes ecclesiastiques. Office" — вм. "канонник" [II, л. 11], "памятникъ... livre ou on s'inscrit le mort pour en faire mention dans les prières del'eglise" — вм. "памяток" [III, л. 6], "встретеніе... Chandeleur" — вм. "сретенье" [I, л. 203]), во-вторых, неправильное истолкование термина (например, "мясопустъ... Carnaval. Le dernier jour de Carnaval. Mardie gras" [т.е. "последний день масленицы" — II, л. 171]).

На фоне научной и профессиональной терминологии, а также бытовой лексики, легко переводимой на язык адресата в силу общности денотатов, область конфессиональных номинаций благодаря методам ее представления в словаре становится частью описания картины мира, которая таким образом предстает адекватной картине мира читателя, хотя и более пространной, включающей ряд явлений и предметов (конкретно-бытового характера), незнакомых ему.

1.3. Единицы, формирующие словник, занимают разные позиции на стилистической шкале. Ядро словника составляет нейтральная лексика, однако в нем представлены библеизмы и разговорная (просторечная) лексика.

Библеизмы, как правило, иллюстрируются цитатами из Священного Писания (т.е. помещаются в гомогенный контекст, исключающий их нейтральности), например: "багряница... совлекоша с' него багряницу" [I, л. 27] и др.

Разговорная лексика может сопровождаться наряду с переводом отдельными комментариями и иллюстрироваться помещением ее в контекст, который может быть разной синтагматической сложности. Например, "воттена... Tenès. Voilà. Expression d'Admiration qui repond en quelque façon au François: Mon dieu, que dites vous!" [I, л. 189], "еже ей ей. Espece de sermens. En verité" [I, л. 371], "Ажно ou Ажъ... à ce que je vois, à ce que je remarque. Ex. Ажно ou ажъ ты не дѣракъ. А ce que je vois vous n'etes pas fol" [I, л. 7].

В сфере разговорной лексики функционировали, вероятно, и многочисленные за-

<sup>27</sup> Слово *кирка* (*кирха*) появилось в русском языке в начале XVIII в. и обозначало любую неправославную церковь.

<sup>28</sup> "Одна из молитв".

<sup>29</sup> "Название церковной книги".

имствования, характеризовавшие некий социальный жаргон (*щегольской*<sup>30</sup>), — например, *амурицкь, амурицица, амурюся* (I, л. 111) — наряду с другими, незаимствованными, словами, имевшими маркированное употребление (см., например, *автор* в значении "писатель", междометие *а!* в значении "радостное восклицание", *жестокй* как соответствие франц. *dur*, наличие слова *милой* — *Cheri* (II, л. 137)<sup>31</sup>, а также слов *жаманъ, жаманный, жаманюся* (I, л. 380).

В словнике представлена лексика, обычно подлежащая табуизации<sup>32</sup>, например: *ебанье, ебачь, ебу* (I, л. 365), *мудо, мудищи* (II, л. 157), *пизда, пиздоjobb* (III, л. 55). Особенности функционирования подобных словоформ нейтрализуются наличием французских эквивалентов, соотносимых с ними по семантике, но переводящих их в иной стилистический регистр.

II.1. Формирующие словник единицы расположены по алфавитному принципу, но при этом они могут образовывать словообразовательные ряды, устроенные симметрично. Так, при именах существительных словообразовательный ряд выглядит следующим образом: имя — имя + увелич. суфф. — имя + уменьшит. суфф. — прилаг. Например: *абатъ—абатище—абатишко—абатский* (I, л. 306—4) и т.д. Число позиций может быть увеличено — для названий людей по роду их деятельности помещаются две лексемы, соотносимые с мужским и женским полом (*абат—абеса*). На одну позицию (например, имя + увелич. суфф./уменьшит. суфф.) может быть приведено несколько лексем: *бауль—баулище—баулецъ, бауликъ, баулокъ, баулчикъ, баулишко* (I, л. 34). Ср.: *казарма—казармище—казармка* (II, л. 6), *камзолъ—камзолушко—камзолуцкь, камзолушко—камзолуцкый* (II, л. 10), примеры подобного рода легко умножить. При глаголах наиболее типичная позиция — это наречная форма, достаточно часто встречается также отглагольное имя со значением действие по глаголу. Вот один из примеров широкого словообразовательного гнезда: *качаю—качаюся—качанье—качель—качелище—качелишко, качелка—качельный—качельницкь—качельница* (II, л. 17).

Увеличение позиций происходит и за счет постановки в качестве основной толкуемой единицы словоформ, например, возвратной формы глагола, форм причастий, краткой формы прилагательного, степеней сравнения прилагательного.

II.2. Механизм порождения симметричных словообразовательных рядов (т.е. регулярное использование одних и тех же формальных показателей) актуализирует механизм вычленения общности семантики (переданной данными формальными показателями). Общие морфемы (например, суффиксы) начинают функционировать как отдельная единица описания внутри слова, они получают устойчивый эквивалент в метаязыке, который прибавляется к лексеме, передающей значение основной морфемы (корня). Таким образом, слово разлагается на составные части, каждая из которых получает самостоятельную экспликацию (части, несущие лексическую семантику, толкуются переводом на метаязык, причем их иерархия — корень/аффиксы — передается иерархией метаязыка: одним и тем же аффиксам соответствует один и тот

<sup>30</sup> Слова *щоголь, щоголихи* присутствуют в словнике, однако, поскольку они находятся в самом конце лексикона, к ним не подведено ни перевода, ни толкования. Однако в словаре толкуется слово *дощоголять* — "Achever de faire le petit Maître" (т.е. "закончить вести себя как петиметр" — (I, л. 344)). Ср. упоминание об аканье как элементе щегольского жаргона выше (при разъяснении двух типов произношения, приведенных в связи с буквой *а*).

<sup>31</sup> О "щегольском жаргоне" вообще и в частности об этих словах см. [Успенский 1985; Успенский, Лотман 1994].

<sup>32</sup> По отношению к данной группе лексики возникает вопрос о том, что именно подлежит табуизации: семантика или фонетика? В пользу второго говорит тот факт, что иностранец легко может преодолеть наложенный традицией запрет. В этом смысле любопытно, что А. Кантемир ощущал себя "чужеродцем" (см., например, его эпиграмму "Автор о себе" или же его самоопределение в предисловии к "Симфонии на Псалтирь", где он говорит о себе как о человеке "иноземической породы").

же метатекст, подчеркивающий механизм деривации; части же, несущие грамматическую семантику, поясняются устойчивыми грамматическими пометами). Так, например, суфф. *-еу-* всегда получает эквивалент “*petit*” (“*маленький*”) (“*адресецъ... petite adresse*” [I, л. 60б], “*баблѣць... petit coffre*” [I, л. 34], “*кораблѣць... petit vaisseau*” [II, л. 53] и т.д.), суфф. *-ишк-* совмещает два компонента “*petit*” и “*mauvais*” или “*vilain*” (“*дурной*”, “*отвратительный*”) (“*баблѣшко... un petit vilain coffre*” [I, л. 34]), суфф. *-ость-* передается словом “*l’etat*” (“*состояние*”) (“*багрняность... L’etat de celui que est rouprre*” [I, л. 27], “*близность... etat de celui que est près*” [I, л. 87] и т.д.), суфф. *-ств-* словом “*charge*” (“*должность*”) (“*адвокатство... La charge d’Avocat*” [I, л. 60б], “*адмиралство... La charge d’Amiral*” [I, л. 7] и т.д.).

В некоторых случаях механическое сочленение семантики корня и аффикса приводит к размытости семантики слова или же к противоречивости внутренней формы слова. Например, слово *водица* выводится из суммарного значения корня (“*вода*”) и суфф. (“*маленький*”), что в целом дает “*petite eau*” (“*маленькая вода*”, — [I, л. 165]); слово *божок* раскладывается на части “*Бог*” и “*маленький*” (“*un petit Dieu*” — [I, л. 100]); слово *божишко* — на “*Бог*” и “*маленький, плохой*” (“*un petit vilain Dieu*” [I, л. 100]); в словообразовательном ряду *Библия*—*Библейка*—*Библейще* (возникшем явно из соображений симметрии построения словника) лексемы различаются семантикой, привносимой суффиксами, что дает соответственно “*Библия*” — “*маленькая Библия*” — “*большая Библия*” (“*Bible*” — “*une petite Bible*” — “*un grand (sic!) Bible*” — [I, л. 71], ср. *миня*—*минейка*—*минейще* [II, л. 138]); прибавление суфф. *-иц-* к корню *год* дает общее значение слова *годище* — “*длинный год*” (“*longue année*” — [I, л. 262]; слово *лѣто*, осложненное приставкой *без-*, имеющей, как видно из многочисленных толкований Кантемиром слов, включающих этот префикс, значение “*отсутствие того, что названо корнем*”, — (*безлѣтной*) — объясняется следующим образом: “*C’est une année sans été*”<sup>33</sup> [I, л. 48], ср.: “*безустный... qui n’a pas de bouche*”<sup>34</sup>, [I, л. 62]). Подобный принцип вскрытия внутренней формы слова приводит к восприятию морфем как самостоятельных объектов толкования, а поскольку толкование подразумевает перифразы, для отдельной морфемы может подбираться ряд эквивалентов, синонимичных в языке описания, что также порождает неадекватность суммарного результата, например: “*домишко... un vilaine maison, petite mechante maison*” (“*плохой дом, маленький злой дом*” [I, л. 321]). В отдельных случаях механическое выведение значения слова из суммы значений его формантов вытесняет общепринятое значение, например, слово *безмѣстѣ*, выходившее из употребления в XVIII в., могло употребляться в двух значениях “*нелепость*” и “*отсутствие местничества*” ([Сл. русск. яз. 1984: 177]), однако А. Кантемир определяет его как “*недостаток места*” (“*Defaut de place*” — [I, л. 480б]).

Внимание А. Кантемира к внутренней форме слова и к продуктивным типам словообразования толкает его к заполнению узусных лакун в системных связях<sup>35</sup>. Приведем пример окказионализма, формальная и семантическая структура которого выведена из словообразовательных аналогий и чисто логических конструкций: А. Кантемир образует слово *витательница*, соотнося его с существовавшим словом *витатель*. Семантически оба образования возводятся к слову *виталня*, которое получает перевод “*постоялый двор*” (“*Auberge*”). Поскольку логически лицо, названное по данному месту временного проживания, может быть как хозяином постоянного двора, так и его обитателем, А. Кантемир наделяет слово *витатель* обоими значениями, хотя, как

<sup>33</sup> “Год, в котором не было лета”.

<sup>34</sup> “Не имеющий рта”.

<sup>35</sup> Вопрос о соотношении лексической системы, зафиксированной в словаре А. Кантемира, с той, которая реально представлена в литературе и других источниках того же времени, является предметом отдельного исследования. Отметим лишь, что окказионалисты наряду с неологизмами составляют довольно обширный пласт словника.

следует из других источников, оно употреблялось лишь в значении "гость, постоялец". Далее оба эти значения переносятся на слово *вительница*, образованное А. Кантемиром по известной ему модели, преобразуясь аналогично другим существительным, связанным деривацией с именами, имеющими семантику профессия + лицо муж. пола (ср.: *аптекариша* — "владелица аптеки" ("Apoticaireesse") и "жена аптекаря" ("la femme de l'Apoticaire") — [I, л. 151]<sup>36</sup>). Соответственно, А. Кантемир выделяет для слова *вительница* знач. "гостя" (< "гость", "Hôte ou etrangere") и знач. "владелица постоялого двора"/"жена владельца постоялого двора" (< "владелец постоялого двора", во франц. переводе стоит "Femme aubergiste", что может значить как профессиональную деятельность, так и номинацию по профессии мужа, — [I, л. 154]). Наличие в словнике лексемы *иностраннѣ* заставляет А. Кантемира включить в него слово *наиностраннѣ* ([II, л. 219]), по модели *архѣмандритѣ*, *архѣрей* он образует слова *архѣвнѣх* ("главный евнух") и *архѣснагогѣ* ("тот, кто стоит во главе синагоги"), используя существовавшую в языке модель сложных слов с первой частью *аэро-*, синонимичной более распространенному форманту *воздухо-*, он производит ряд составных прилагательных *аеровиднѣй*, *аеросмѣснѣй*, *аерошарнѣй* (и одновременно ряд дублетов: *воздуховиднѣй*, *воздухосмѣснѣй*, *воздухошарнѣй*, — интересно, что замена заимствованного *аэро-* в последнем случае повлекла за собой и замену второго корня, являющегося полонизмом), а также глагол *аерошествовѣ*. Примеры подобного рода многочисленны.

Таким образом, лексемы, составляющие словник, при переводе на метаязык, могут рассматриваться двояким образом. Во-первых, они выступают как синтетические единицы, толкуемые в целом, а во-вторых, как сочленения, подлежащие анализу. Процедура "раскрытия" внутренней части формы слова используется А. Кантемиром системно, что служит выявлению внутренней логики языка, при этом его не смущает представленная порою нелогичность и даже абсурдность результата подобного анализа. Симметричность порождения словообразовательных рядов требует симметричности в истолковании лексем, содержащих идентичные морфемы.

Итак, при организации словника сочетается "воля" языка, который диктует свои законы и навязывает картину мира, требующую фиксации, и "воля" автора, выражающаяся в отборе единиц или в тенденции к отказу от отбора (в зависимости от того, на какой пласт языка направлено его внимание), а также в заполнении лакун (формальных и семантических), обнаруженных при системном взгляде на внутреннюю форму языка и отдельных лексем (словоформ). Автор проявляет себя в стремлении упорядочить картину мира в соответствии с определенной логикой (которая диктуется, с одной стороны, интерференцией двух культур и связанным с ней намерением подчеркнуть или завуалировать области расхождений, а с другой стороны, общим представлением о полноте картины мира и, следовательно, культурно-бытового контекста) и выявить присущую собственно языку-объекту описания логичность (методом порождения макро- и микроединиц на формальном и семантическом уровнях).

Выше отчасти уже шла речь о метаязыке как о носителе языковой и внеязыковой информации о единицах, включенных в словник. Для того, чтобы понять, что именно составляет зону толкования в лексиконе, необходимо охарактеризовать

<sup>36</sup> Формант *-ш-* и связанная с ним словообразовательная модель реализована в целом ряде лексем, вошедших в словник, причем обычно им сообщается устойчивая многозначность: профессия + лицо жен. пола, жена + (профессия + лицо муж. пола), ср.: "адмиралша... La femme d'Amiral. Amiral" [I, л. 7]. "генералша... La femme du General La generale" [I, л. 251] и т.д. Только такой же механизм — перенос всех знач. сущ. м.р. (муж. пола), на соотносимое с ним сущ. ж.р. (жен. пола) с типологически устойчивой трансформацией (+ жен. пол.) — можно наблюдать и для пар с другим набором формантов (например *-ник/-ница*: *забавникъ—забавница*, *дворникъ—дворница* и т.д.), причем включение в словник одной лексемы влечет за собой появление соотносимой с ней вне зависимости от того, представлена ли она в реальном узусе или нет, то же самое можно сказать и о перенесении значения (системы значений) с одной лексемы на другую.

общую схему словарной статьи, т.е. способ построения метаязыкового текста. Она выглядит следующим образом<sup>37</sup>:

Заголовочная позиция

Грамматические пометы

[Специальные пометы]

Перевод на метаязык: семантика, сочетаемость

[Внелингвистический комментарий]

[Примеры использования единицы в устных/письменных формах]

[Перевод приведенных примеров использования единиц на метаязык]

[Сравнение с единицами других языков]

[Сведения о происхождении слов]

[Указание на системные связи: синонимы и антонимы]

В лексиконе широко представлены отсылочные словарные статьи (для слов, являющихся синонимами, а также для слов, имеющих несколько вариантов написания).

Рассмотрим компоненты словарной статьи более подробно.

Вторую позицию после заголовочной единицы последовательно занимают грамматические пометы. Они являют собой систему грамматических сведений, имеющую свою внутреннюю организацию. Прежде всего для всех единиц указывается принадлежность к тому или иному грамматическому классу<sup>38</sup>, затем отмечаются более частные грамматические характеристики<sup>39</sup>. Для имен существительных таковыми являются:

1) сведения о роде (*M/F/N*). Для слов, имеющих согласование как по мужскому, так и по женскому роду, указывается двойная родовая принадлежность (*M. et F.*). В этот разряд попадают такие слова, как *блѣдодѣя*, *бѣдняшка*, *бѣлорѣчка* и т.д.

2) сведения о форме род. пад., например, "балбѣръ, а" ([I, л. 29]), "баечка, и" ([I, л. 28]), "банки, некъ" ([I, л. 30]), "балій, я" ([I, л. 29]) и т.д.

3) сведения о числе имени существительного. По умолчанию число существительного определяется как единственное. Для слов *pluralia tantum* число последовательно указывается, например: "бѣбны usité en pluriel seulement"<sup>40</sup> ([I, л. 114]). Отдельные имена существительные попадают в словник дважды: в форме им. пад. ед. числа и в форме им. пад. мн. числа, например, наряду со словом *амазонка* представлена форма мн. числа *амазоны* ([I, л. 12]). Форма им. пад. мн. числа может указываться при форме ед. числа, особенно если ее образование представляет некоторые сложности или же если она имеет свои особенности функционирования, например, по частотности употребления превосходит форму ед. числа — "вилка... usité plutôt en pluriel вилки"<sup>41</sup> ([I, л. 152]).

Для имен прилагательных:

1) сведения о форме род. пад., например, "бараней, бѣго" ([I, л. 31]),

2) сведения о краткой форме (если она не представлена как самостоятельная заголовочная единица, например, "балбѣрный, ень" ([I, л. 29]),

3) сведения о функционировании в субстантивированной форме, например, "багрянородный, ень adj, qui a force de Substantif"<sup>42</sup> [I, л. 27],

<sup>37</sup> В квадратные скобки мы помещаем компоненты словарной статьи, реализованные не для всех единиц словника, иначе говоря, представленные непоследовательно (при этом на данном этапе для нас не существенна иерархия этой непоследовательности, т.е. различие более и менее частотных компонентов).

<sup>38</sup> Помимо значимых классов слов А. Кантемир различает союзы (*conjonctions*), предлоги (*prépositions*), частицы (*particules*) и междометия (*interjections*).

<sup>39</sup> Более частные характеристики, за исключением, пожалуй, указания рода имен сущ., представлены непоследовательно.

<sup>40</sup> "Употребляется только во множественном числе".

<sup>41</sup> "Употребляется чаще во множественном числе".

<sup>42</sup> "Имеет силу существительного".

4) сведения о нулевой степени сравнения при форме компаратива или суперлатива, например, "болѣи compar. de большой et великой" ([I, л. 101]), "блажаиши Superl. de благи" ([I, л. 85]). Аналогичная система отсылок существует и для степеней сравнения наречий.

При личных местоимениях:

- 1) сведения о роде, например, "она Pron.f." ([II, л. 310]),
- 2) сведения об исходной форме. Парадигма личных местоимений почти полностью вошла в словарь (т.е. каждая форма личных местоимений получила самостоятельную словарную статью). В этих случаях при заголовочных словоформах содержится соответствующая отсылка и указываются частные грамматические характеристики, например, "Á Nombre duel du Pronom онъ" ([I, л. 4]).

Для глагола:

- 1) сведения о классе глагола, например "neutre" (N), — класс глаголов, обозначающих ненаправленное действие (например, *алалакаю* — [I, л. 10]), "actif" (A), класс глаголов, обозначающих действие, направленное на другой объект (например, *волочу* — [I, л. 180]), "réciproque" (R), класс глаголов, обозначающих действие, направленное как на субъект, так и на объект (например, *дружуся* — [I, л. 350]), "déropent" (D), класс глаголов, обозначающих действие, замкнутое на субъекте (например, *молюся* — [II, л. 150]). Для отдельных глаголов указана принадлежность к двум классам, в соответствии с которой различаются два значения, например, "бранюся V.D. Dire des sottises. § V.R. Se quereller avec quelqu'un" (т.е. "говорить глупости" и "ссориться" [I, л. 108]).

- 2) сведения о принадлежности глагола к классу многократных глаголов ("frequen-tatif"), например: "бываю... Frequentatif du verbe substantif есмь" ([I, л. 120]),

- 3) сведения о двойном управлении глагола, например, "ласкаю... кому Flatter кого Caresser" (т.е. различаются значения "лестить" и "ласкать" [II, л. 93]),

- 4) сведения о безличном употреблении, например, "варюся... usité en troisieme per-sonne"<sup>43</sup> ([I, л. 128]), "болить Impersonnellement signifie il fait mal"<sup>44</sup> ([I, л. 103]),

- 5) сведения о формах словоизменения в наст. и прош. времени, а также о форме инфинитива<sup>45</sup>, например, *бдоу, ишѣ, илѣ, ѣлѣ, ить, ѣть* ([I, л. 35]). Может отмечаться также дефектность парадигмы, например, "взблѣдить... On n'a point de tems present de l'indicatif pour ce verbe et on s'en sert du primitif qui est блѣжѣ"<sup>46</sup> ([I, л. 148]),

- 6) сведения об исходной форме глагола в том случае, если в качестве заголовочного слова представлена форма словоизменения, а также о конкретных грамматических характеристиках, например, "былъ Le passé du verbe subst. есмь" ([I, л. 120]). Из всей парадигмы формообразования чаще всего в инициальной позиции оказываются формы причастий и деепричастий.

Для предлогов указываются падежи, которыми они управляют, т.е. толкуется предложно-падежная форма, например, "во... Quand il marque le repos d'une chose vo demande un Narratif, mais quand il marque le mouvement, vo regit l'accusatif"<sup>47</sup> ([I, л. 164]).

Система помет, помимо собственно грамматических, включает в себя разнообразные сведения о единице, помещенной в инициальную позицию.

1. На уровне словообразовательной характеристики слова А. Кантемир использует пометы "diminutif" (уменьшит. — *Dim.*) и "augmentatif" (увеличит. — *Aug.*).

<sup>43</sup> "Употребляется в третьем лице".

<sup>44</sup> "Употребленное безлично обозначает причиняет боль".

<sup>45</sup> В заголовочной позиции А. Кантемир помещает обычно форму I л. ед. числа наст. вр.

<sup>46</sup> "Этот глагол не имеет формы настоящего времени индикатива, для чего используется первообразный *блужу*".

<sup>47</sup> "Во требует предложного падежа, когда обозначает покой, и винительного падежа, когда обозначает движение".

II. Большинство помет используется А. Кантемиром для уточнения сферы применения единицы.

II.1. А. Кантемир помечает принадлежность лексемы к иной языковой системе (подсистеме). Так, он выделяет церковнославянизмы (*Esc.*) двух типов: собственно церковнославянизмы и церковнославянские значения в системе значений слова. Например, "балсамую... mot Esc. peu usité"<sup>48</sup> ([I, л. 29]), "баба... femme acoucheuse (ce sens est Esc. lapon...)"<sup>49</sup> ([I, л. 250б]). Для ц.-слав. в обиходных пониманиях этого термина А. Кантемир часто подводит собственно русские параллели: "Алчны"... голо"ныи" ([I, л. 11]), "Il est à remarquer que добро en Russe est (sic!) благо en esclavon signifie la même chose..."<sup>50</sup> ([I, л. 3010б]).

А. Кантемир помечает генетические ц.-слав., однако они имеют и функциональную закрепленность, т.к. иллюстрируются цитатами (или же ссылками) на Библию.

Крайне последовательно он отмечает и диалектные слова (значения слов), например: "гладышъ... Dans quelques provinces signifie oeuf"<sup>51</sup> ([I, л. 255]).

II.2. В области книжной лексики собственно стилистической можно считать помету "поэтическое употребление" ("poetiquement"), например, "дерево... poetiquement vaisseau" (т.е. "поэтически корабль" [I, л. 294]).

Помета, маркирующая другой стилистический полюс ("terme bas" — просторечие), встречается крайне редко. Так, например, к просторечным отнесен глагол *балакать* [I, л. 28].

К особенно редким относится и помета "щегольское употребление" ("terme du galanterie"), так, она встречается во вставке, относящейся, по всей видимости, к словам *другъ, другиня* [I, л. 3490б].

Довольно последовательно А. Кантемир помечает особый пласт просторечной лексики — "шуточные" номинации ("terme burlesque"). Внутри этого пласта лексики самой обширной лексико-семантической группой являются глаголы со значением "ударить, стукнуть по голове", например: *благословляю, колпачу, всучаю, гвожжу, звѣзду, деру, гнѣтъ* и др., глаголы со значением "красть", например, *збиваю*, существительные со значением "гуляка, кутила", например, *ерыхало, лазарь*.

II.3. Особенно последовательно А. Кантемир использует терминологические пометы, выделяя лексику, закрепленную за определенной профессиональной сферой. В лексиконе представлены термины из сферы коммерции ("terme de commerce", например, *ажѣо*), юриспруденции ("terme de bateau", например, *взношеніе*), коневодства ("terme de manège", например, *выежжаю*), фортификации ("terme de fortification", например *бастіонъ*), строительства ("terme de maçon et de charpentier", например, *пазъ*), судоходства ("terme de mer", например, *бѣзировање*), военного дела ("terme de guerre", например, *зимовы*), картежных и других игр ("terme de jeu de cartes", например, *держать банкъ, кройка*, "terme du jeux (sic!) des Dames", например, *играть в' дамы*, "terme de jeu d'echec", например, *ладья*), книгопечатания ("terme d'imprimerie", например, *звѣздка*), музицирования ("terme de musique", например, *басъ*), риторики ("terme rhetorique", например, *аллегоріа*), поэтики ("terme de poesie", например, *вириши*, "terme de prosodie", например, *анapestъ*), философии ("terme philosophique", например, *блгоутѣчность*), грамматики ("terme de grammaire", например, *аномаль*, "terme d'orthographe", например, *вмѣстительная*), физики ("terme de physique", например, *вихоръ*), математики ("terme d'arithmetique", например, *дѣлитель*).

II.4. В отдельных случаях А. Кантемир отмечает коммуникативную установку, заложенную в слове. С этой точки зрения он различает "ласка-

<sup>48</sup> "Редко используемое церковнославянское слово".

<sup>49</sup> "Акушерка (это значение является церковнославянским)".

<sup>50</sup> "Отметим, что *добро* в русском языке и *благо* в церковнославянском обозначают одно и то же".

<sup>51</sup> "В некоторых областях обозначает яйцо".

тельные слова" ("expression tendre", "mot caressant", например, "блядочка... C'est aussi un mot caressant, qui est bien drôle, mais il est d'usage entre deux personnes qui sont familières"<sup>52</sup> — [I, л. 91]), слова, выражающие сочувствие ("expression de compassion", например, **бѣдняшка**) и, наконец, слова, выражающие негативное отношение говорящего к адресату, — ругательства ("injure", например, "блядь сынъ... c'est une espece d'injure" — [I, л. 92]).

Область толкования на метаязыке может вырастать до сравнительно просторного текста. В этом случае наряду с глоссой, передающей собственно значение, следуют различные уточнения: 1) локализирующие его семантическую или лексическую сочетаемость, например, "девятеро Neuf. (en parlant des hommes et des animaux)" (т.е. "о людях и животных" [I, л. 291]), "закуренный... Allumé (en parlant de pipes à tabac)" (т.е. "зажженный — о трубке" [I, л. 423]); 2) поясняющие понятие или предмет при помощи отсылки к определенному классу явлений, например, "Домино... (Habit de Masquerade) Domino" (т.е. маскарадный костюм [I, л. 321]), "линь... (Poisson) Tenge. Merlue" (т.е. рыба [II, л. 102]), "липа... (Sorte d'arbre) Tilleuil (sic!)" (т.е. вид дерева [II, л. 102]); 3) детально описывающие фрагмент реальности (для лексем, относящихся к той области действительности, которая не находит соответствия в картине мира адресата словаря (см. об этом выше).

Для отдельных словоформ А. Кантемир приводит эквиваленты из других языков (латинского и итальянского), например, "бѣдняшка... repond parfetement al'Italian Poveretto, Poverino" ([I, л. 122об]), "палаю... Ital. Fiammegiare" ([II, л. 5]).

Описание одного языка через другой заставляет А. Кантемира порой отталкиваться от метаязыка, сопоставляя словоформы или синтагмы. В крайнем выражении этой тенденции толкование слова сводится к отсылке к знанию системы значений французского слова: "бездна... Abyme (ce mot a toutes les significations d'abyme en François)"<sup>53</sup> ([I, л. 40]).

Выход за границы языка-описания и метаязыка приводит к sporadическим указаниям на происхождение слова: "диванъ... (mot Turc) Assemblée. Conseil" ([I, л. 297]).

Для различения прямых и переносных значений А. Кантемир использует собственно лексикографические пометы *Met.* и *Fig.*, которыми он маркирует "метафорическое" употребление в полисемантической системе слова.

Системный взгляд на вошедшие в лексикон единицы диктует соотнесение их между собой, что выражается в большом количестве отсылок. Особенно частотным является обращение к синонимическому ряду ("изводъ... в. выво" — [I, л. 515], "кавка в. галка" — [II, л. 5]). Отсылка к синонимам характерна для заимствованной лексики, например, "Адвокатъ... Стряпчей" [I, л. 6], "Адресъ... на<sup>л</sup>пись, по<sup>л</sup>пись" [I, л. 6об]), "аллегоріа... рѣчь реторическая" [I, л. 11], "Агнець... Егньонокъ" [I, л. 6]. В лексиконе встречаются также не прямые отсылки, скрытые в метаязыковом тексте. Так, слово может толковаться через указание на его антонимичность другому слову, например, "безпечаліе... le contraire du chagrin... La Gaieté... § le contraire d'inquietude. Tranquillité d'ame"<sup>54</sup> [I, л. 55].

Для иллюстрации всего вышесказанного приведем несколько словарных статей полностью:

"бѣгаю V.A. Courir. Ex. бѣгаю по полю Courir sur le champ, sur le prèz. § S'enfuir. S'echapper. Ex. слѣга мой бѣжа<sup>а</sup> Mon valet s'est echappé, s'enfuit" ([I, л. 122]);

"банщикъ, а, S.m. celui qui tiene le baigne pour le service du maitre ou du Publique. Baigneur." ([I, л. 30]);

<sup>52</sup> "Это также ласковое выражение, которое, несмотря на свою кажущуюся странность, очень распространено между людьми, находящимися в близких отношениях".

<sup>53</sup> "Пропастъ (имеет те же значения, что и французское слово)".

<sup>54</sup> "Антоним к слову горе. Веселость. § антоним к слову беспокойство. Спокойствие души".

"дѣтки Pl. Dim. de дѣти Petits enfans" (I, л. 363));

"нама Dat. du nombre duel du pronom я. à nous deux" (II, л. 196));

"изо Part. dérivée de изъ dont on se sert pour lever la cacophonie en quelque mot, comme изо усть au lieu de изъустъ" (I, л. 532));

"камень S.M. Pierre камень дорогой Pierre précieuse дереванный Tuf мелничный Pierre à moulin жирновой верхний Pierre à moulin de dessus жирновой нижний Pierre à moulin de dessous искусной или опытной Pierre de touche voies оселка разноцветно Pierre bigarré пенковый Pierre ponce незагораемы Amianthe гробный на гробный Epitaphe. Pierre de tombeau зеленый Pierre verte. Prassilithé пузырьный Adj. Pierre de vessie почешной Adj. Pierre de reines угли\* charbon перуной Pierre de foudre v. чортовъ палець краеугольный la pierre angulaire камень тесанной Ardoise § каменѣм побѣваю V.A. Lapidier каменѣмъ побѣты Adj. Lapidé" (II, л. 80б—10));

"и парены Adj. étuvé § baigné § Fig. battu, étrillé" (I, л. 553)).

Итак, метаязык в лексиконе по-разному соотносится с языком-объектом описания. Во-первых, в нем можно выделить словник, порожденный необходимостью перевода словник-объект описания (соответствие словоформа/словоформа, ряд словоформ: таким образом происходит вторичная кодификация лексической системы французского языка и соположение двух систем, а следовательно, представлений о мире). Перевод на метаязык может ограничиваться одной лексемой или же состоять из краткого синонимического ряда. Во-вторых, в нем выделяется ряд помет, служащих для уточнения узуса единиц, входящих в словник. И, наконец, метаязык содержит зону толкования, в которой происходит совмещение механизмов передачи как лингвистической, так и внелингвистической информации.

Сложность организации метаязыкового текста диктовалась ориентацией автора на многослойность информации, заложенной в словнике. В словаре А. Кантемира описывается не только лексическая, но и графическая, словообразовательная и грамматическая (включая синтаксическую) системы русского и отчасти (гораздо менее последовательно) ц.-слав. языков, причем их семантическая структура передается лексическими и грамматическими средствами метаязыка, который имеет свою внутреннюю организацию (ядро ее составляет собственно перевод-толкование, а периферию — пометы разной значимости).

После перераспределения сфер влияния между ц.-слав. и русским языками (происходившего в первой четверти XVIII в.) последний из объекта периферийной (фрагментарной) кодификации превратился в объект самостоятельного анализа. Важным этапом в этой трансформации послужил взгляд на Россию как на возможного "собеседника", подразумевавший двустороннее движение: изнутри (выражавшееся в установке на изучение иностранных языков) и извне (выражавшееся в установке на изучение русского языка иностранцами). Таким образом прикладное (т.е. ориентированное на употребление носителям и других языков) описание предшествовало собственно научному. Первые пространные кодификации грамматического строя русского языка содержатся в трудах, предназначенных для иностранцев, или же, наоборот, в описаниях иностранных языков, сделанных для русских, — точно так же фиксация лексики связана со взаимным освоением языкового пространства. Фрагментарно лексический уровень языка мог фиксироваться и в грамматических трактатах. Так, например, в славяно-русской грамматике И.-В. Пауса, предназначенной для иностранцев, рассыпан русско-немецкий словарь, поскольку каждый грамматический класс слов иллюстрируется списками лексем с переводом на немецкий язык<sup>55</sup>, в состав грамматики нидерландского языка В. Севела, переведенной Я. Брюсом для ознакомления русских с этим языком, входила "Роспись родам многих имен", из

<sup>55</sup> И.-В. Паус является автором немецко-русского словаря, оставшегося, как и грамматика, в рукописи ("Dictionarium Germano-Russicum", см. [Михальчи 1969: 12]).

которой впоследствии вырос русско-голландский лексикон. Показательно в этом смысле, что первые серьезные опыты описания лексической системы русского языка связаны именно с языковым "обменом": таковыми являются, с одной стороны, "Вейсманов лексикон" (1731 г.), где русский язык вступает наряду с латинским в качестве метаязыка (что имело как следствие его кодификацию ровно в той же степени, в какой являлись кодификацией грамматической структуры русского языка эквиваленты парадигм иностранных языков, приведенные в грамматиках иностранных языков для русских), а с другой стороны, труд А. Кантемира, ориентированный на иностранцев. Однако, если на уровне графики, словообразования, морфологии и синтаксиса можно видеть ф и к с а ц и ю явлений, свойственных каждому из этих срезов языка (присутствующую с разной степенью полноты и в лексиконе А. Кантемира), то по отношению к лексике более правомерно говорить о ф и к с а ц и и-к о н ц е п ц и и. Лексика как открытая система требовала для последовательной кодификации определенных базовых принципов, позволяющих ограничить ее<sup>56</sup>. В качестве такого принципа А. Кантемир, как кажется, выбрал суммирование системных возможностей, скорректированное пересчетом на культурно-языковой план метаязыка. Однако наряду с обращенностью русской культурно-языковой ситуации вовнутрь (т.е. с ее восприятием как "вещи в себе") и вовне (т.е. ее проекцией на иную культурно-языковую плоскость) в словаре А. Кантемира прочитывается еще одна реальность — некий идеальный культурно-языковой конструкт, синтезированный автором. В этом смысле лексикон довольно ярко обрисовывает лингвистический портрет автора, его методы филологической работы со словом, и, таким образом, может считаться не только важным свидетельством "биографии" слов, но и одним из интереснейших памятников творческой биографии А. Кантемира.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берков П.Н. 1961 — Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726—1729) // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961.
- Бовье Ф. Бле 1740 — Разговор о множестве миров г. Фонтенелла, Парижской академии наук секретаря, с французского перевел и потребными примечаниями изъяснил князь Антиох Кантемир в Москве в 1730 г. СПб., 1740.
- Градова Б.А. 1985 — Первые переводы Антиоха Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг [Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина]. Л., 1985.
- Градова Б.А. 1987 — А.Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // Краткие тезисы докладов научной конференции "Россия—Франция. Век Просвещения" (по материалам выставки в Париже и Ленинграде) 12—14 мая 1987 г. Л., 1987.
- Майков А.Н. 1903 — Материалы для биографии А.Д. Кантемира. СПб., 1903.
- Михальчи Д.Е. 1969 — Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе. Дисс. на соискание уч. ст. д-ра филол. наук. Л., 1969.
- Россия—Франция 1987 — Век Просвещения. Русско-французские культурные связи в 18 столетии. Каталог выставки. Л., 1987.
- Сл. русск. яз. 1984 — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1. А—Безпристрастие. Л., 1984.
- Сл. русск. яз. 1991 — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 6. Грызться—Древний. Л., 1991.

<sup>56</sup> В качестве концепции мог выступать, например, принцип толкования "темных" (непонятных, заимствованных) лексем, имевший традицию функционирования в великорусской книжности (см., к примеру, на материале европейских заимствований "Лексикон вокабулам новым" с пометами Петра I — (опубликован в [Смирнов 1910]), или принцип семантических полей (распространенный в начале XVIII в. в Европе, он имеет своим прообразом книгу Яна Амоса Коменского "Orbis pictus"; с подобным типом словарей А. Кантемир был, несомненно, знаком: в его лексиконе есть слово "имяноположеніе" — "Nomenclature" — [I, л. 546]), или же принцип специализации (разного рода терминологические словари и индексы).

- Смирнов Н.А. 1910 — Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Сб. ОРЯС. СПб., 1910. № 2.
- Стоюнин В.Я. 1880 — Князь Антиох Кантемир в Париже // Вестник Европы. 1880. № 8—9.
- Успенский Б.А. 1985 — Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. М., 1985.
- Успенский Б.А., Лотман Ю.М. 1994 — Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры ("Пронсшествие в царстве теней, или судьбина российского языка" — неизвестное сочинение Семена Боброва) // Б.А. Успенский. Избр. труды. Т. II: Язык и культура. М., 1994.
- Успенский Б.А., Шишкин А.Б. 1990. — Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23.
- [Guasco O. de] 1749 — Vie du Prince Antiochus Cantemir // Satyres de Monsieur le Prince Cantemir avec l'histoire de sa vie. Traduites en François. A Londres, 1749.
- Graßhoff H. 1963 — A. Kantemir Verhältnis zu den Jansenisten: Eine französische Übersetzung der 1. Satire aus dem Jahre 1744 // ZSL. Bd. VIII, 1963. H. 1.
- Graßhoff H. 1966 — Antioch Dmitrievic Kantemir und Westeuropa: Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literature und Kunst. B., 1966.